

К 150-летию Бердяева (1874–2024)

DOI 10.25991/VRHGA.2024.2.2.008

УДК 091

*Епископ Филарет (В. С. Гусев)**

ИДЕАЛЬНЫЙ И РЕАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК В ТВОРЧЕСТВЕ Н. А. БЕРДЯЕВА

В статье анализируются особенности религиозно-философской антропологии Н. А. Бердяева сквозь призму концептов «реальный человек» (субъект) и «индивидуальный человек» (объект среди объектов, вещь среди вещей). В основе воззрений Бердяева лежит персоналистический аспект: личность есть человек, который имеет силы и потенциал преодолеть собственную объективность через целесообразное и эффективное применение собственного свободного и творческого потенциала. Творчество есть подлинный путь духовного совершенствования человека на пути к достижению идеального состояния. Никто из людей не может быть назван «идеальным человеком» в силу оценочного характера понятия, антропологический идеал может быть достижим в эсхатологической перспективе. Но человек на протяжении жизни должен стремиться к идеалу, основанному на раскрытии свободы, творческого и аскетического потенциала, укорененных в Божественном начале.

Ключевые слова: Н. А. Бердяев, антропология, реальный человек, идеальный человек, свобода, творчество, аскеза, обожение, соборность.

* Филарет (Гусев Валерий Сергеевич) — викарий Нижегородской епархии, епископ Дальнеконстантиновский, руководитель отдела Нижегородской епархии по взаимодействию с Высшей школой, председатель епархиальной богослужебной литургической комиссии, благочинный Кстовского округа, преподаватель Нижегородской духовной семинарии, магистр истории, богослов, igumen_filaret@mail.ru, тел. 89108484842

Filaret (Gusev Valery S.) — Vicar of the Nizhny Novgorod Diocese, Bishop of Dalnekonstantinovsky, head of the Nizhny Novgorod Diocese Department for Interaction with Higher Education, Chairman of the diocesan Liturgical Commission, dean of the Kstovsky district, teacher of the Nizhny Novgorod Theological Seminary, Master of History, theologian, igumen_filaret@mail.ru, tel. 89108484842

The article analyzes the features of N. A. Berdyaev's religious and philosophical anthropology through the prism of the concepts of "real person" (subject) and "individual person" (object among objects, thing among things). Berdyaev's views are based on the personalistic aspect: a personality is a person who has the strength and potential to overcome his own objectivity through the expedient and effective use of his own free and creative potential. Creativity is a genuine way of spiritual improvement of a person on the way to achieving an ideal state. None of the people can be called an "ideal person" due to the evaluative nature of the concept, the anthropological ideal can be achieved in an eschatological perspective. But throughout life, a person should strive for an ideal based on the disclosure of freedom, creative and ascetic potential rooted in the Divine principle.

Keywords: N. A. Berdyaev, anthropology, real man, ideal man, freedom, creativity, austerity, deification, conciliarity.

Проблема человека, его природы и предназначения маркирует ядро религиозной философии Н. А. Бердяева (1874–1948). Он является ключевой фигурой русского религиозно-философского Ренессанса — движения, связанного с «антропологическим поворотом» в истории отечественной мысли. Идеологи этого движения воспринимали человека как духовное существо, наделенное свободной волей и бесконечно творческим потенциалом. Представителей российского религиозно-философского ренессанса объединяла одна общая идея — поиск ответов на проблемы, относящиеся к разным аспектам существования человека. Проблема человека, его свободы и творчества была предметом антропологической интенции Бердяева.

В данной статье антропологические воззрения русского мыслителя будут проанализированы сквозь призму концептов «идеального» и «реального человека».

Согласно Бердяеву, дух — высшая составляющая природы человека, содержащая в себе свободу и творчество. Дух является посредником между трансцендентной и имманентной реальностями и, как пишет философ, «есть сфера, соединяющая божественное и человеческое» [10, с. 83]. При этом Бердяев проводит разграничение между понятиями «дух» и «Святой Дух». Дух является лишь связующим звеном между творением и Богом. Сущность духа в учении Бердяева носит амбивалентный характер. Развивая концепцию о двух видах свободы (тварной и нетварной), мыслитель констатирует наличие обеих в духе. Впоследствии Бердяев приходит к заключению, что человек не способен полностью очертить границы между Святым Духом и духом [10, с. 228].

Творческий потенциал сосредоточен во внутреннем мире индивида, поэтому творчество каждого человека специфично, самобытно и индивидуально. Каждый обладает персональным и своеобразным опытом творческой самореализации. Творчество неразрывно взаимосвязано со свободой. Причем свобода может быть связана как с творчеством, имеющим в своих истоках Божественное начало и благодать, и, с другой стороны, со злом («безосновной основой бытия»). Следуя воззрениям Шеллинга, Бердяев говорит о существовании не только Творца, но и так называемой Его «основы». Таким образом, свобода может иметь два источника. Первый источник содержится в Боге

или Божественной благодати, второй — в небытии, чистой потенции (μῆ ὄν). В работе «Смысл творчества» Бердяев подчеркивает, что «зло имеет источник не в рожденном Боге, а в основе Бога, в бездне, из которой течет и свет и тьма» [5, с. 183]. Большинство людей либо полностью погашают в себе творческой потенциал, основанный на свободе в Боге, либо искажают и попирают его. Реальный человек, как правило, удаляется от творческой самореализации, погружаясь в повседневную рутину жизни, забывая о своем предназначении. Идеальный же человек, понимая, что творчество является условием бытия, реализацией заложенной Богом в его природу свободы, раскрывает свой безграничный творческий потенциал. Поэтому, если идеальный человек в учении Бердяева будет описываться с помощью эпитетов: дух, личность, свобода, творчество, благодать, — то реальный человек будет иметь противоположные качества: природа, безликость, необходимость, повседневность, грех.

В исследованиях «Судьба России» Бердяев подчеркивает, что важнейшим аспектом свободы «является проблема творчества» [7, с. 289]. Бердяев выделяет типологизацию и градацию понятия «свобода», которая имеет разные основания. Первая — свобода вне Бога. Вторая — гениальность, которая является даром, дающимся человеку с самого рождения. Третья — свобода, имеющая свои основания в тварном мире, в котором реализуется творческий потенциал, «духовная целостность личности» [17, с. 191]. Персональное измерение творческой реализации человека обусловлено этическим выбором индивида. При этом А. А. Ермичёв утверждает, что третья свобода, о которой пишет Бердяев, раскрывается в понятии «коммунотарность». Под последним понимается свобода «общественного действия на началах абсолютных, т. е. религиозных, ценностей, воспринятых его участниками глубоко лично» [12, с. 28]. Понятие «свобода» у русского мыслителя претерпевала эволюцию на протяжении того или иного периода его интеллектуальной биографии, в зависимости от приверженности Бердяева марксизму, идеализму и христианству.

Бердяев различает термины «личность» как человека идеального или стремящегося к антропологическому идеалу и понятие «индивида» — человека реального. Реальный человек — существо, не выходящее за границы имманентного измерения бытия. Это понятие представляется им скорее как биологическая категория. Идеальный человек, «личность» — существо, прежде всего духовное, которое в подлинной свободе и творческой самореализации, укоренённой в Божественном Абсолюте выходит за рамки своей тварности. В труде «О рабстве и свободе человека» Бердяев пишет: «Личность есть свобода и независимость человека в отношении к природе, к обществу, к государству, но она не только не есть эгоистическое самоутверждение, а как раз наоборот» [4, с. 217]. Идеальный человек уподобляется мыслителю Вселенной, который, подобно сосуду, «наполняется универсальным содержанием» [4, с. 217]. Человек, стремящийся к антропологическому идеалу, должен интегрироваться в сложный и многогранный процесс духовно-нравственного развития: «Личности нет без работы духа над душевным и телесным составом человека. Человек может иметь яркую индивидуальность и не иметь личности» [2, с. 121]. Понятие «личность» в наследии Бердяева приобретает субъективный характер. Ее главной целью является скорее не развитие индивидуальных духовно-

нравственных качеств, но сопричастность безграничной свободе. В творческой свободе личность созидает нечто новое: «Творчество есть величайшая тайна жизни, тайна явления нового, небывшего, ни из чего не выводимого, ни из чего не вытекающего, ни из чего не рождающегося» [2, с. 124]. В основе воззрений Бердяева на реального и идеального человека лежит персоналистический аспект: личность есть человек, который имеет силы и потенциал преодолеть собственную объективность через целесообразное и эффективное применение собственного свободного и творческого потенциала. Получается, что, именно «свобода» и «творчество» служат теми критериями, которые позволяют отделить «личность» от «индивида».

Реальный человек игнорирует духовное измерение бытия и ограничивает свою жизнь и развитие собственным естеством и окружающими его социальными факторами. Идеальный человек, в отличие от реального, нацелен скорее не на развитие персональных качеств, но на стремление к достижению безграничной свободы в Боге. Высшей степенью реализации свободы личности, по Бердяеву, является «творчество». В аспекте антропологии именно творчество воспринимается как раскрытие полноты человеческого естества, а также как реализация синергии — совместного действия Божественной благодати и свободы. В творчестве выражается реализация личностью Божественного предназначения о всем творении и, соответственно, происходит оправдание человека. Бердяев отмечает, что человек в силу своей богообразности и богоподобия творит «из ничего», благодаря чему ему удается переступить рамки природной необходимости, которая ставит его в состояние отчуждения. Творчество воспринимается Бердяевым как возможность и условие выхода человека из состояния экзистенциального отчуждения. Однако В. А. Кувакин, например, отмечает, что образ «экзистенциального человека» у Бердяева «крайне размытый и абстрактный» [15, с. 124]. Человек не является носителем абсолютной свободы. Он не способен полностью проникнуть в сущность своего естества. В результате Бердяев приходит к заключению, что человек должен преодолеть мир и выйти за границы собственной объективности через реализацию свободы и творчества.

Проблема реального и идеального человека в наследии мыслителя затрагивает в том числе хамартиологическую проблематику. Грех определяется Бердяевым как стремление человека к псевдосвободе. Эта свобода носит ложный характер, так как является не «свободой для», но «свободой от». Иная свобода основана на стремлении личности к преодолению соблазна в обретении псевдосвободы, то есть свободы от Творца, блага, творчества, духовной жизни и проч. Истинная свобода не имеет ничего общего с необходимостью, она фундирована в творческий процесс, благо и любовь. После грехопадения Адама и Евы сознание человека стало разделять понятия о добре и зле. Человек в своем догреховном состоянии не имел подобного разграничения, так как его эссенциальное бытие имело в своей основе Божественную свободу. Акт грехопадения был связан с переходом человека от эссенциального измерения бытия в экзистенциальное, а следовательно, из своего идеального состояния в состояние отчуждения (реальное). Как отмечает современный исследователь Т. А. Кузьмина:

«Всякий творческий акт есть, по Бердяеву, прорыв вечности во временной мир. И если бы все человеческие деяния были творческими, то это означало бы наступление такого состояния, при котором, и тут Бердяев использует евангельское выражение, “времени больше не будет”. Рай поэтому вовсе не есть бездеятельное состояние. И если творчество свидетельствует о божественной по сути способности человека, то оно не может там не продолжиться, но и, как предполагается, только и раскроеется по-настоящему» [16, с. 101].

Концепт отчуждения в антропологии Бердяева имеет более широкую, в отличие от прочих экзистенциалистов (например, Л. Шестова), дефиницию и подразумевает объективацию (осуществление всех действий человека). Объективация есть не только следствие грехопадения и уход человека от идеального состояния, но также отчуждение материального и духовного миров, «форма падшести» [14, с. 5–8]. Преодоление своего реального, т. е. экзистенциального состояния человеку возможно через реализацию свободы и творчества, ведь всякий творческий акт есть, по Бердяеву, прорыв вечности во временной мир. Свобода — основа и условие реализации творческого потенциала личности. Предназначение личности — стать творцом, то есть продолжить процесс Божественного домостроительства. Творение мира «из ничего» является высшим проявлением свободы, которое доступно лишь Богу. Корень всякого греха, порока и страсти у реального человека состоит в игнорировании им Божественной свободы и принятии мэонической несотворенной свободы. Это влечет за собой как антропологические последствия в виде отчуждения человека, так и онтологические, так как всякий грех подразумевает «возврат от бытия к небытию» [10, с. 131].

Богословский аспект оправдания с его основополагающей проблемой относительно проявления в человеке Божественного дара, Бердяев практически не рассматривает. Этот вопрос анализируется в рамках феноменологии творчества. Рассматривая христианство в первую очередь как религию искупления и Евангельскую весть о спасении человека от греха, проклятия и смерти, Бердяев убежден в том, что онтологические цели содержатся прежде всего в «творческой задаче» [10, с. 127]. Искуплению и спасению как эксплицитным составляющим учения Христа философ противопоставляет имплицитный аспект — творчество. Искупление человечества от греха, которое стало возможно благодаря Жертве Христа на Голгофе, является с точки зрения хамартиологии отрицательным действием, которое должно раскрываться с помощью положительного. Таковым, согласно Бердяеву, является творчество. Творчество, интерпретируемое как формирование аксиологических установок культуры (здесь прослеживается влияние философии Ф. Ницше) и в более широком значении рассматриваемое как формирование «нового бытия», Бердяев рассматривает фактически как условие достижения святости [10, с. 127]. Творчество есть подлинный путь духовного совершенствования человека на пути к достижению идеального состояния. И если бы все человеческие деяния были творческими, то это означало бы наступление такого состояния жизни человека, которое не было подчинено категориям тварного изменяющегося бытия — времени и пространству. Таким образом, творческая самореализация человека связана с раскрытием богообразности человека и его

богоуподоблением, а понятие творчество в учении Бердяева приобретает социологическую окраску.

В связи с этим встает вопрос: в чем заключаются критерии творческой самореализации идеального человека и каким образом она должна проявляться? Мыслитель весьма абстрактно выделяет подобные критерии и принципы. В труде «Смысл творчества» говорится о том, что подлинное творчество укоренено в Боге, так как лишь Он является его источником. В статье «Спасение и творчества» Бердяев выделяет уже более гибкие критерии творчества, подчеркивая, что оно может носить как Божественный, так и демонический характер: «творить можно не только во имя Божие, но и во имя дьявола» [6, с. 26–27]. Таким образом, как «реальный», так и «идеальный» человек может идти по пути творческого развития. Только у первого это развитие имеет демонические истоки, у второго же — Божественное начало.

Проблема «идеального человека» в антропологии Бердяева связана с богословским понятием «обожения» (греч. *θεωσις*). Мыслитель убежден, что это понятие является ключевым в восточно-христианском учении о человеке:

«Спасение и есть обожение. И обожению подлежит весь тварный мир, весь космос. Спасение есть преображение и просветление твари, а не судебное оправдание. Православие обращено к тайне Воскресения, как к вершине и последней цели христианства» [6, с. 26–27].

Вместе с тем, как сторонник персонализма, Бердяев остерегается неверной интерпретации понятия «обожения», связанного с растворением личного начала человека в Божественном океане. Бердяев решительно отвергает учение Вл. Соловьева о поглощении человеческой личности Абсолютным началом. Он раскрывает персоналистический аспект вопроса свободной воли человека, основываясь на следующих моментах: во-первых, бытие духа никак не противопоставляется познающему субъекту; во-вторых, между познающим субъектом и миром объектов не существует отношения «внеположенности». Таким образом, духовная сфера жизни не является образом или раскрытием конкретной реальности. Духовный мир самобытен и самодостаточен, он «сам по себе является реальностью» [10, с. 27]. Обожение — полноценное преображение человека в Господе, реализуемое через истинную свободу и подлинное творчество. В обожении заключен антропологический идеал, а именно идеал человека, чей духовный инстинкт полностью освобожден «от ложных рационалистических и натуралистических идей» [3, с. 62]. Магистральным направлением учения о человеке, по Бердяеву, является вопрос предназначения личности, которая наделена возможностью самопознания и трансцендирования. В свободном гносеологическом акте заключен творческий потенциал человека, формирующий основу взаимоотношений между творением и Богом. Данная трактовка природы самосознания делало антропологию основой всех философских идей Бердяева. С этого начинается полноценный поворот к персонализму в контексте всей русской религиозной философии.

Еще одним важным термином в антропологии Бердяева является понятие «соборность». Пытаясь провести корреляцию между персоналистическим и соборным аспектами своей антропологии, мыслитель отмечает, что собор-

ность является источником «бесконечной свободы духа» человека, поэтому она никоим образом не нивелирует «индивидуальную неповторимость человека» [1, с. 13]. Мыслитель разделяет при этом термины «общество» и «соборность». Общество упраздняет личностное начало, соборность же — основа творческой самореализации и духовно-нравственного развития личности. Если реальный человек пытается всячески интегрироваться в общество, растворяясь в нем, то человек идеальный призван к тому, чтобы сохраняя свои индивидуальные черты, стать сопричастником соборной среды. Бердяев замечает, что формирование «соборной среды» в светском мире невозможно. Носителем соборной полноты является Православная Церковь, которая содержит в себе полноту «свободы духа»: «Соборность не имеет никакого смысла, если она не заключает в себе свободы духа и личной совести. Без свободы соборность есть внешний авторитарный коллективизм» [8, с. 53] — подчеркивает Бердяев. Благодаря наследию Бердяева отечественная философия в понимании сущности соборности возвысилась от рассмотрения идеала соборного единства в церковной, социальной и политической жизни до ее восприятия как онтологического (космогонического) принципа, выраженного в формуле «единство во множестве» [18, с. 32–33]. Мыслитель проводит взаимосвязь между философией свободы и творчества и концепцией соборности. Человек как «венец творения» стоит на высшей иерархической ступени в земной реальности. При этом реализация его личностного начала зависит от соборности, т. е. от степени единства и общности между людьми. Ярким примером такой общности является Православная Церковь. Если реальный человек опирается на субъект-объектный гносеологический принцип, то идеальный основывается на творческом, соборном принципе познания, имеющим эсхатологическую интенцию и ведущим к преодолению всякой ненависти, расколов, конфликтов и разобщению, царящих в этой мире.

Когда речь идет об образе реального и идеального человека в учении Бердяева, важно понимать, что антропологический идеал раскрывается в эсхатологическом контексте религиозной философии мыслителя. Он часто рассуждает о будущем духовном творчестве, когда творческий потенциал и его реализация станут главным импульсом исторического развития человечества. «Идеальный человек» будет явлен в эсхатоне. Через творческую самореализацию и свободу в Боге он полностью преодолит рабское состояние, связанное с его отчуждением и объективацией. Мышлению личности, по мысли Бердяева, всегда присуще чувство конечности бытия. Эсхатологический контекст раскрывается в условиях перехода от имманентной реальности к трансцендентной, от человека к Богу. Представленный аспект обусловлен сложностью интерпретации Откровения св. ап. Иоанна Богослова. Все факты и явления, изложенные в последней книге канона Нового Завета, осуществляются на грани земного и небесного миров. Подобной амбивалентностью определяется многоаспектность интерпретации Откровения св. ап. Иоанна Богослова. В целом Бердяев принимает эсхатологическое учение Православной Церкви, раскрывающее обстоятельства последних времен и явления антихриста. При этом он адаптирует это учение к своей антропологии. Так как последствия грехопадения прародителей распространились на всю вселенную и все человечество, его восстановление в прежнем

состоянии (то есть возвращение к состоянию «идеального человека») должно подразумевать восстановление всего бытия [9, с. 113–114]. Воззрения на эсхатологические события у Бердяева в контексте его антропологического учения трактуются аллегорически. Страшный Суд реализуется в душе конкретного человека. Божественная благодать освещает человеческое естество, а грядущее Царствие Небесное рассматривается мыслителем не просто как разрушение мира и суд, но также как просветление и преображение мира, как бы продолжение творения, вхождение в новый эон» [9, с. 206]. Таким образом, именно в эсхатологической реальности будет явлен «идеальный человек». В новый эон войдет преображенный человек и вся полнота его творческих заслуг. В земной реальности человек, раскрывая творческий потенциал, основанный на духе истинной свободы, идет по пути к этому антропологическому идеалу.

Бердяев в своей антропологии уделяет важное значение принципу аскезы. Стремящийся к идеалу человек призван к аскетическому деланию как главному инструменту сохранения персональной свободы от влияния общества. «Без момента аскетического, т. е. преодоления низшей природы во имя высшей, победы над “миром сим” во имя мира иного, религиозная и мистическая жизнь немислима» [5, с. 206]. Аскеза позволяет индивиду преодолеть общественное давление, основанное на принципе потребления посредством контроля собственных потребностей. Даже «реальный человек» может следовать аскезе. Однако эта аскеза будет либо основана на ощущении страха, либо на свободе от материальных потребностей. Представленные виды аскезы не ведут к подлинной свободе, но лишь порабащают личностное начало. Личность, стремящаяся к достижению «антропологического идеала» будет следовать аскезе, основанной на подлинной любви к Богу и своему ближнему. Аскеза неразрывно связана с творчеством, однако, если первая «не отделима от морального закона, то творчество неотрывно от свободы» [13, с. 158–159]. Аскеза, к которой стремится человек, претендующий на статус «идеального», призвана вернуть ему его достоинство, утраченное им после грехопадения, а не погружать его в состояние «безнадежного недостойнства и низости» [2, с. 104]. Сравнивая положительное и негативное измерения аскезы, мыслитель свидетельствует о сложном и неоднозначном отношении православной аскетической традиции к социальным вопросам на протяжении всей истории. С одной стороны, в наследии некоторых церковных писателей и богословов (например, у свт. Феофана Вышенского) аскеза подразумевала радикальный уход человека от всего мирского (идея «смерти для мира»), с другой стороны, по замечанию Бердяева, не обращало внимание на социальное неравенство. Идеальный человек призван не к пассивной, но к преображающей, деятельной аскезе, которая будет учитывать, в том числе, социально-политические реалии.

Бердяев убежден в том, что человек как «венец творения» и «микрокосм» является носителем Божественного начала. При этом человек является диалектическим существом. Он — точка пересечения двух миров, отражающей в своем естестве одновременно метафизическое и физическое начала. Человек занимает посредническое значение в системе Бердяева, так как он способен как снисходить до уровня животного начала, так и возвышаться до ангельского состояния. Он является одновременно существом материальным и духовным,

имманентным и трансцендентным, физическим и метафизическим. Идеал человека не относится к какому-то определенному качеству. Он не может сводиться к профессиональному идеалу (например, идеал аскета, воина, государя, ремесленника и т. п.), так как является прежде всего идеалом целостного человека, природа которого раскрывается в свободе и творчестве.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В антропологии Бердяева идеальный человек — венец творения, микрокосм, универсум, реализуемый в персонально неповторимой форме. В его существе объединяются универсальное-бесконечно и персонально-уникальное начала. Достижение личностного начала предполагает сложный и трудоемкий процесс самосозидания. Ни один человек не является личностью («идеальным человеком») в самом полном смысле, так как это понятие носит аксиологический и оценочный характер. Реальный человек лишен подлинной свободы и творчества, укорененных в Боге. Он либо полностью пренебрегает аскезой, либо идет по пути аскетического делания из-за страха или достижения личной выгоды. Идеальный человек, сохраняя индивидуальные черты, является носителем соборного начала, держится высшей свободы и творчества, укорененной в Боге, следует аскезе как проявлению высшей любви к Богу. Реальный человек в своей жизни и деятельности преимущественно предопределен «общеобязательному закону»; идеальный человек же — иррационален, является исключением в том смысле, что «никакой закон не применим» к нему. Идеальный человек — субъект, реальный человек — объект среди объектов, вещь среди вещей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андросенко С. В. Соборность как антропологическая и экклесиологическая категория в трудах Н. А. Бердяева // Вестник Свято-Филаретовского института. М., 2021. № 40. С. 9–34.
2. Бердяев Н. А. Дух и реальность. М.: АСТ, 2011. 664 с.
3. Бердяев Н. А. Из размышлений о теодицее // «Путь». Париж, 1927. № 7. 87 с.
4. Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека. М.: АСТ, 2010. 316 с.
5. Бердяев Н. А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. М.: АСТ, 2004. 448 с.
6. Бердяев Н. А. Спасение и творчество (два понимания христианства) // «Путь». Париж, 1925. № 5. С. 26–46.
7. Бердяев Н. А. Судьба России. М.: Советский писатель, 1990. 346 с.
8. Бердяев Н. А. Существует ли в православии свобода мысли и совести // «Путь». Париж, 1939. № 59. С. 46–54.
9. Бердяев Н. А. Творчество и объективация. Опыт эсхатологической метафизики. М.: Амрита, 2021. 300 с.
10. Бердяев Н. А. Философия свободного духа. Проблематика и апология христианства. М.: Республика, 1994. 235 с.
11. Бердяев Н. А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения // Философия свободного духа. М., 1994. 479 с.

12. Ермичёв А. А. Три свободы Николая Бердяева // *Философия и жизнь*. М.: Знание, 1990. № 1. 63 с.
13. Завгородняя А. Л. Творчество «свободного духа» в концепции Николая Бердяева // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. М., 2009. № 93. С. 158–161.
14. Зимовец Л. Г. «Объективация» и «экзистирование» как основа методологии Н. А. Бердяева // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. Ростов-на-Дону, 2011. № 3. С. 5–8.
15. Кувакин В. А. Критика экзистенциализма Бердяева. М.: Издательство Московского университета, 1976. 206 с.
16. Кузьмина Т. А. Экзистенциальная этика Н. А. Бердяева // *Этическая мысль*. М., 2008. № 8. С. 87–127.
17. Усманова Л. Т. Философское учение Н. А. Бердяева о свободе и божественной природе творчества // *KANT*. М., 2019. № 4 (33). С. 188–194.
18. Шапошников Л. Е. *Философия соборности: очерки русского самосознания*. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 1996. 199 с.

REFERENCES

1. Androsenko, S. V. (2021). Sobornost' kak antropologicheskaya i ekklesiologicheskaya kategoriya v trudah N. A. Berdyayeva. [Conciliarity as an anthropological and ecclesiological category in the works of N. A. Berdyayev]. In: *Vestnik Svyato-Filaretovskogo instituta*. 2021. № 40. S. 9–34. (In Russian).
2. Berdjaev, N. A. Duh i real'nost'. [Spirit and reality]. Moscow: AST. 664 s. (In Russian).
3. Berdjaev, N. A. Iz razmyshlenij o teodicee. [From reflections on theodicy]. In: *Zhurnal "Put"*. 1927. № 7. 87 s. (In Russian).
4. Berdjaev, N. A. O rabstve i svobode cheloveka. [About slavery and human freedom]. Moscow: AST. 316 s. (In Russian).
5. Berdjaev, N. A. Smysl tvorchestva. Opyt opravdaniya cheloveka. [The meaning of creativity. The experience of justifying a person]. Moscow: AST. 448 s. (In Russian).
6. Berdjaev, N. A. Spasenie i tvorchestvo (dva ponimaniya hristianstva). [Salvation and Creativity (two understandings of Christianity)]. In: *Zhurnal "Put"*. 1925. № 5. S. 26–46. (In Russian).
7. Berdjaev, N. A. Sud'ba Rossii. Sud'ba Rossii. [Fate of Russia]. Moscow: The Soviet writer. 346 s. (In Russian).
8. Berdjaev, N. A. Sushchestvuet li v pravoslavii svoboda mysli i sovesti. [Is there freedom of thought and conscience in Orthodoxy]. In: *Zhurnal "Put"*. 1939. № 59. S. 46–54. (In Russian).
9. Berdjaev, N. A. Tvorchestvo i ob'ektivaciya. Opyt eshatologicheskoy metafiziki. [Creativity and objectification. The experience of eschatological metaphysics]. Moscow: Amrita, 2021. 300 s. (In Russian).
10. Berdjaev, N. A. Filosofiya svobodnogo duha. Problematika i apologiya hristianstva. [The philosophy of the free spirit. The problems and apology of Christianity]. Moscow: Republic, 1994. 235 s. (In Russian).
11. Berdjaev, N. A. Ya i mir ob'ektov. Opyt filosofii odinochestva i obshcheniya. [Me and the world of objects. Experience the philosophy of loneliness and communication]. In: *The philosophy of the free spirit*. Moscow, 1994. 479 s. (In Russian).
12. Ermichev, A. A. Tri svobody Nikolaya Berdyayeva. [Three freedoms of Nikolai Nikolai Berdyayev]. In: *Filosofiya i zhizn'*. Moscow, 1990. № 1. 63 s. (In Russian).

13. Zavgorodnyaya, A. L. Tvorchestvo “svobodnogo duha” v koncepcii Nikolaya Berdyaeva [Creativity of the “free spirit” in the concept of Nikolai Berdyaev]. In: Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. Moscow, 2009. № 93. S. 158–161. (In Russian).

14. Zimovec, L. G. “Ob”ektivaciya” i “ekzistirovanie” kak osnova metodologii N. A. Berdyaeva. [“Objectification” and “existentialization” as the basis of N. A. Berdyaev’s methodology]. In: Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennye nauki. Rostov-on-Don, 2011. № 3. S. 5–8. (In Russian).

15. Kuvakin, V. A. Kritika ekzistencializma Berdyaeva. [Criticism of Berdyaev’s existentialism]. Moscow: Moscow University Press, 1976. 206 s. (In Russian).

16. Kuz’mina, T. A. Ekzistencial’naya etika N. A. Berdyaeva. [Existential ethics of N. A. Berdyaev]. In: Eticheskaya mysl’. 2008. № 8. S. 87–127. (In Russian).

17. Usmanova, L. T. Filosofskoe uchenie N. A. Berdyaeva o svobode i bozhestvennoj prirode tvorchestva. [N. A. Berdyaev’s philosophical teaching on freedom and the divine nature of creativity]. In: KANT. 2019. № 4 (33). S. 188–194. (In Russian).

18. Shaposhnikov, L. E. Filosofiya sobornosti: ocherki russkogo samosoznaniya. [The Philosophy of Conciliarity: Essays on Russian Identity]. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 1996. 199 s. (In Russian).